

УДК 94:325.27

## СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ

### THEIR HOME AMONG STRANGERS

©*Логунова З. П.*

*Комсомольский-на-Амуре судомеханический техникум  
г. Комсомольск-на-Амуре, Россия  
Zinaida.Logunova@yandex.ru*

©*Logunova Z.*

*Komsomolsk-on-Amur ship mechanical technical school  
Komsomolsk-on-Amur, Russia  
Zinaida.Logunova@yandex.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются особенности пребывания латышей на Северо-Востоке Китая, оказавшихся на территории Маньчжурии задолго до октябрьской революции 1917 г. Находясь вне родины, латышская община сумела сохранить свою национальную идентичность — язык, культуру, традиции. Стараясь избежать ассимиляции, латыши жили в Маньчжурии замкнутой общиной. Считается, что между латышами во всем мире существует какая-то особая связь, что латыши объединены между собой чувством национального духа и родством крови.

Объектом научного исследования является жизнедеятельность латышской национальной общины, особенности ее включения в процесс социального, культурного и политического взаимодействия, а также организация Латвийским центральным национальным комитетом реэвакуации латышей на родину.

Методологическую основу составляют принципы историзма и научной объективности. При написании статьи автор опиралась как на работы современных исследователей, так и на архивные документы.

Автор находит, что значимость статьи состоит в актуальности проблемы сталинских чисток в 20–30 гг., в жестокости государственного репрессивного механизма, под колеса которого попали не только чужие, но и свои, чьи судьбы соприкоснулись с Харбином — русским городом на Дальнем Востоке.

*Abstract.* This article discusses the features stay Latvians in Northeast China, caught on the territory of Manchuria, long before the October revolution of 1917 g. Outside the motherland, Latvian community has managed to preserve their national identity — language, culture and traditions. Trying to avoid assimilation, Latvians lived in Manchuria closed community. It is believed that between Latvians worldwide there is a special link that Latvians are merged across a sense of national spirit and blood kinship.

Object of scientific research is a vital activity of Latvian national community, particularly its inclusion in the process of social, cultural and political cooperation, as well as the Organization of Latvian Central National Committee resettlement of Latvians home.

Methodological principles based on Historicism and scientific objectivity. When writing an article, the author relied on both works by contemporary researchers and archival documents.

The author finds that the relevance of the article is the issue of the purges in 20–30, in the cruelty of the repressive State machinery, under the rims which hit not only wrong, but also, whose fates have adjoined with the Harbin–Russian They city in the far East.

*Ключевые слова:* латыши, замкнутая община, национальные советы, Латвийский национальный комитет, национальное самосознание, культурно-национальное просвещение, эвакуация, репрессии.

*Keywords:* Latvians, closed community, national councils, the Latvian National Committee, national identity, cultural and national education, evacuation, repression.

В XIX в. революционное движение в Прибалтийских губерниях Российской империи носило преимущественно национальный характер. Поэтому значительная доля латышей, принимавших активное участие в сопротивлении русификации, были репрессированы, сосланы в Сибирь, а оттуда судьба забросила их в Маньчжурию.

Автор статьи «Социальный состав российской эмиграции в Харбине в 20–40-е гг. XX в.» У Яньцзю приводит статистические данные о профессиях русских эмигрантов в Харбине в 1922–1923 гг., которые позволяют сделать вывод не только о численности латышей в Харбине, но и о их довольно сложном социальном составе. Среди латышей: инженеров — 8 чел., врачей — 9, адвокатов — 12, бухгалтеров — 10, рабочих на ж/д — 3, учеников — 3, священник — 1, милиционер — 2, наемник — 2, владельцы — 13, рабочие — 2, хозяин — 25, домохозяйка — 50, обслуживающий — 18, дети — 35, всего — 196 чел. [1, с. 50].

Как отмечает известный историк–китаист Г. В. Мелихов, «среди прибывших из России в Маньчжурию было довольно много лиц лютеранского вероисповедания, преимущественно латышей» [2, с. 154].

Согласно архивным документам ГАХК Ф.Р-1128. Оп.1 анкетные карточки на «М» 1925–1929 годов, на 237 листах, революционное лихолетье выплеснуло в Маньчжурию и Михаэльсен Иоганна Людвиговича:

«Михаэльсен Иоганн Людвигович, 1881 года рождения, латыш, лютеранин, мещанин, имеет латвийский и китайский паспорта, род занятий на момент заполнения анкеты: служба при городской пожарной команде Харбина» (1).

Анкета была заполнена лично Михаэльсеном И. Л. в марте 1920 г. Есть его подпись.

Без сомнения, события Первой русской революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г. усиливали настроения репатриации латышской диаспоры, а провозглашение независимости Латвии после победы над Германией в Первой мировой войне также сопровождалось ростом политической активности латышей, находящихся в Маньчжурии, осознанием своей роли в общественной жизни и своего значения в судьбе Латвии. Латыши были активными участниками политических событий, происходящих как на родине, так и вне ее.

Как отмечает Г. В. Мелихов, в Маньчжурии, после Февральской революции 1917 г., «стали создаваться латышские национальные советы и латышские комитеты» [2, с. 37].

Широкое поле деятельности Латвийского национального комитета, о чем рассказывает заметка, помещенная на страницах газеты «Заря» №29-130 от 24 сентября 1920 г.: «В Харбине происходит совещание делегатов всех латышских общественных организаций на территории Китая. Совещание выработало проект Устава Латвийского национального комитета в Китае. Комитет, являясь связующим звеном между всеми существующими в Китае латышскими организациями, будет в то же время новой латышской национальной организацией на территории всего Китая, имеющий свой центр в Харбине, а отделения и представителей в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Урбе и др. городах и пунктах Маньчжурии, Монголии и собственно Китая. Реэвакуация латышей на родину из Советской России производится самым усиленным темпом. В июне, июле и августе закончена реэвакуация главной массы

латышей из всех губерний европейской России, в текущем сентябре производится реэвакуация латышей из Уфимской и Пермской губерний», имело большое значение для сплочения латышей (2).

Следует отметить объявление, размещенное на страницах газеты «Заря» №35-136 от 2 октября 1920 г., о том, что «Совет беженцев из Латвии созывает 3 октября общее собрание беженцев–латышей регистрации июля–августа 1920 г.» (3).

Из этого следует, что главнейшей обязанностью новая латышская организация ставила возвращение на родину проживающих в Китае латышей: «Все подготовительные работы в этом отношении будут производиться в полном согласии с конвенцией 12 июня 1920 года, на основании которой происходит реэвакуация из Советской России», — сообщает харбинская газета «Заря» №29-130 от 24 сентября 1920 г. (4).

В газете «Заря» №36 от 3 октября 1920 года в хронике новостей помещена заметка под названием «Объединение латышей», которая информирует своих читателей о том, что «Проект устава Латвийского Центрального национального комитета в Китае закончен выработкой. Первая сессия работ организационного собрания делегатов всех латвийских общественных организаций в Китае этим не исчерпана. Организационное собрание спешно готовится к созыву в Харбине в средних числах октября общего собрания всех латышей и граждан Латвии других национальностей. На собрании выступит ряд докладчиков о современном положении в делах Латвии и о реэвакуации латвийских беженцев, которые из Сибири начали прибывать в Латвию еще в начале августа» (5).

Следовательно, деятельность на территории Китая Латвийского Центрального национального комитета, который отстаивал интересы всех латышей–беженцев, стремился установить и поддержать контакты с другими латышскими комитетами и советами в пределах и за пределами Китая, позиционирует Латвийский национальный комитет как главную связующую силу для всех латышей и граждан Латвии других национальностей, находящихся в Китае.

Небольшое сообщение в рубрике «Среди граждан Латвии в Китае» в газете «Заря» №49 от 19 октября 1920 года также информирует своих читателей о ходе подготовительных работ по реэвакуации латышей: «На вчерашнем общем собрании латышей и граждан Латвии и других национальностей принят Устав Латвийского Центрального Национального комитета в Китае и произведены выборы членов совета и ревизионной комиссии комитета» (6).

На страницах харбинской газеты «Заря» №55-156 от 27 октября 1920 г. в рубрике «Среди граждан Латвии» помещено сообщение: «В проходившем 24 октября заседании членов совета Латвийского центрального национального комитета в Китае, в правлении комитета избраны члены совета. Первыми задачами своей деятельности центр граждан Латвии в Китае наметил выяснение всех условий по скорейшему возвращению на родину» (7).

Не вызывает сомнения, что значительное внимание Латвийский Центральный Национальный комитет уделял также проблеме сохранения национальной идентичности и национального самосознания, поддержанию латышского языка, народных традиций и обычаев.

Как указывают источники, «у латышей довольно долго бытовали и народный костюм, и разнообразные предметы крестьянского быта; латышская община традиционно варила пиво, делала сыр и шила национальную одежду к народным праздникам» (8).

Следовательно, находясь в Харбине в 20–30-гг. отнюдь не по собственной воле, латыши, стараясь избежать ассимиляции, сохраняли черты своего национального характера — терпение и труд, немногословность и строптивость характера, невозмутимость и

замкнутость, умение держаться вместе и вместе идти до конца, жили замкнутой общиной, опираясь на собственные ценности.

Первым делом, по прибытию на новое место жительства, латыши ставили либо школу, либо церковь, так как придавали большое значение культуре и просвещению. Для латышей всегда самым важным было говорить на родном языке, пользоваться языком своего народа, чтобы не потерять национальную идентичность.

Однако, как отмечает Г. В. Мелихов, «до русско–японской войны лютеране не имели организованной церковной жизни. Первый в Маньчжурии лютеранский храм был построен в 1904–1905 гг. во время русско–японской войны. Настоятелем лютеранского храма стал энергичный военный пастор Фриц Шмидхель. Его помощником стал латышский народный учитель, уроженец Лифляндской губернии, приехавший в Харбин в 1905 г. и ставший духовным лицом всех лютеран–латышей и эстонцев вплоть до 1934 г. — Я. А. Дризуль» [2, с. 154].

Вызывает интерес объявление, помещенное в газете «Заря» №57 от 29 октября 1920 г., в котором говорится, что «Комитет латышского кружка самообразования «Старсь» созывает 31 октября полугодичное общее собрание членов кружка. В повестке дня: доклад комитета и ревизионной комиссии, прием новых членов, доклады о положении дел в Латвии и будущая культурно–просветительная деятельность» (9).

Интерпретацией данного документа, без сомнения, является утверждение Е. Н. Чернолуцкой о том, что многие «национальные советы и комитеты делали энергичные попытки объединить латышей вокруг национальных организаций, которые бы защищали их интересы, налаживали культурно–национальное просвещение, а также стремились организовать латышские воинские подразделения» [3, с. 124].

Как было указано выше, в 12 июня 1920 г. были заключены договоры о реэвакуации проживающих на территории Советской республики лиц эстонского, латышского и литовского происхождения на родину. «Готовясь к предстоящей реэвакуации беженцев, местные эвакоорганы стали «испрашивать» продовольствие, средства на перевозку беженцев к станциям посадки; началось оформление отъездов в Латвию «гужевым путем». Помимо этого, необходимым условием было «разрешение местных эвакуационных органов Губчека и Центрэвака» [4, с. 115].

Начавшаяся с конца лета 1920 года массовая отправка беженцев в Прибалтийские республики сопровождалась множеством проблем, связанных с отсутствием четкой организации эвакуационной работы. «Основная волна эвакуации была завершена к концу 1921 г. На январь 1922 г. на учете эвакуационных органов Сибири числилось всего 6447 латышей» (10).

Следует отметить, что «к многочисленным мытарствам, связанным с переселением беженцев, такими, как несвоевременное оповещение и недоставка до железнодорожной станции, также необеспечение продовольствием в пути, надо добавить злоупотребление служебным положением должностных лиц на транспорте» [4, с. 115].

Особый интерес вызывает небольшая заметка, помещенная на страницах харбинской газеты «Восток» №67 от 12.03.1931 г.: «Вчера местная латвийская и эстонская колонии чествовали банкетом уезжающего из Харбина доктора Бергмана в Циндао» (11).

Вероятно, что отъезд харбинского хирурга Бергмана Г. А. в Циндао связан с изменением настроений прибалтийских беженцев в 1930-х гг., ввиду приходящих в Харбин известий о проблемах и бедах реэвакуированных. Положение вернувшихся в Прибалтику оказалось незавидным. По сообщению прессы не менее 95% репатриированных страдало от безработицы. «В напрасных поисках работы они вынуждены продавать за бесценок свое последнее имущество и одежду, чтобы хоть как-нибудь прокормиться» (10).

Но главные беды латышей, которых они не ожидали, были еще впереди.

В соответствии с приказом НКВД СССР №00593 от 20 сентября 1937 года о репрессиях «харбинцев» были изданы распоряжения о массовых репрессиях против латышей, причем среди латышей было подвергнуто репрессиям значительное количество лиц, принимавших активное участие в революционном подполье, в борьбе с контрреволюцией, служивших на фронтах гражданской войны в 4-м Латышском полку, воевавших против Деникина, Каледина, Врангеля, Юденича, Петлюры.

Архивные документы ГАХК Ф.Р-1128. Оп. 1, Оп. 2. «Харбинский комитет помощи русским беженцам», 1923–1942 гг. — анкетные карточки зарегистрированных беженцев, представляющие собой опросные листы из 20 вопросов, включающих как общие сведения, так и социально–политические факты биографии: социальный статус, вероисповедание, род занятий до 1917 г., в каких общественных организациях состояли и состоите, наличие имущества, дата и причина прибытия в Харбин, семейное положение, откуда прибыл, где будете жить, адрес места пребывания в Харбине, трудоспособность, нуждаемость в пособии, наличие документов о личности, кто может подтвердить личность, подданным какой страны являетесь, — проливают свет на судьбы некоторых латышей, связавших свою жизнь с Харбином. Примером может послужить анкетная карточка №28:

- 1) Сакнит Арвид Густавович, латыш, лютеранин;
- 2) Родился 2 августа 1897 г. в г. Красный Смоленской области;
- 3) Окончил Фрейденборское сельско–хозяйственное училище, по специальности инструктор животноводства;
- 4) В Харбин прибыл 11 января 1928 г. из города Наро–Фоминск Московской губернии;
- 5) До 1918 г. служил на Северном фронте в 4-м Латышском стрелковом полку. Прапорщик;
- 6) Документы о личности оставлены в Советской России, чтобы не быть уличенным при возможном задержании во время перехода границы (12).  
Дата заполнения анкеты 16 января 1928 г.

В результате чисток в 1937–1938 гг. почти все харбинские латыши были расстреляны.

Подводя итоги, отметим следующее:

- Латыши, стараясь избежать ассимиляции, жили в Маньчжурии замкнутой общиной;
- Находясь вне родины, латышская община сумела сохранить свою национальную идентичность — язык, культуру, традиции;
- Центр граждан Латвии в Китае главной задачей своей деятельности ставил поиск и скорейшее возвращение соотечественников на родину;
- В 1937–1938 гг. в результате сталинских чисток почти все «харбинские латыши» в СССР были расстреляны.

*Источники:*

- (1). Анкетные карточки на «М»1925-1929 годов // ГАХК Ф.Р-1128. Оп. 1 на 237 листах.
- (2). Хроника // Заря. 1920. №29-130.
- (3). Хроника //Заря. 1920. №35-136.
- (4). Хроника //Заря. 1920. №29-130.
- (5). Объединение латышей //Заря. 1920. №36.
- (6). Среди граждан Латвии в Китае //Заря. 1920. №49.
- (7). Среди граждан Латвии в Китае //Заря. 1920. №55-156.
- (8). Латышские ценности в красноярском интерьере. Режим доступа: <https://goo.gl/A38rRi> (дата обращения 04.08.2016).

- (9). Хроника //Заря. 1920. №57.
- (10). Беседы о Риге // Историческая статистика. Режим доступа: <https://goo.gl/ВСКА6У>. (дата обращения 08.08.2016).
- (11). Хроника //Восток. 1931. №67.
- (12). Харбинский комитет помощи русским беженцам // ГАХК. Ф.Р-1128. оп.1. оп.2. 1923-1942 гг.

*Список литературы:*

1. У Я. Социальный состав российской эмиграции в Харбине в 20-40 годы XX века // XII студенческая международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия. Естественные науки» (10 октября 2013 г.): материалы. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 44-52. Режим доступа: <https://goo.gl/htt8vV> (дата обращения 15.10.2017).
2. Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
3. Чернолуцкая Е. Н. Из истории латышской общины Харбина (конец 1910 г. - начало 1920-1938 гг.) // Третья международная практическая конференция «Российские соотечественники в АТР: перспективы сотрудничества» (г. Владивосток, 5-7 сентября 2001 г.): материалы. Владивосток, 2001. С. 123-128.
4. Белова И. Судьба беженцев первой мировой войны из западных губерний европейской России и Польши в Советской России в 1920 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №6. С. 110-117.

*References:*

1. U, Ya. (2013). Sotsialnyi sostav rossiiskoi emigratsii v Kharbine v 20-40 gody XX veka. XII studencheskaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Estestvennye nauki" (10 oktyabrya 2013 g.): materials. Novosibirsk, Izd. "SibAK", 44-52. Available at: <https://goo.gl/htt8vV>, accessed 15.10.2017. (in Russian)
2. Melikhov, G. V. (2003). Belyi Kharbin: Seredina 20-kh. Moscow, Russkii put, 440. (in Russian)
3. Chernolutsкая, E. N. (2001). Iz istorii latyshskoi obshchiny Kharbina (konets 1910 g. - nachalo 1920-1938 gg.). Rossiiskie sootchestvenniki v ATR: perspektivy sotrudnichestva: materialy Tretiei mezhdunarodnoi prakticheskoi konferentsii, Vladivostok, 5-7 sentyabrya 2001 g. 123-128. (in Russian)
4. Belova, I. (2012). Sudba bezhentsev pervoi mirovoi voyny iz zapadnykh gubernii evropeiskoi Rossii i Polshi v Sovetskoj Rossii v 1920 godu. Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta, (6), 110-117. (in Russian)

*Работа поступила  
в редакцию 20.11.2017 г.*

*Принята к публикации  
24.11.2017 г.*

---

*Ссылка для цитирования:*

Логунова З. П. Свои среди чужих // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №12 (25). С. 410-416. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/logunova-z-p> (дата обращения 15.12.2017).

*Cite as (APA):*

Logunova, Z. (2017). Their home among strangers. *Bulletin of Science and Practice*, (12), 410-416